

УДК 81'28: 81'27

ИССЛЕДОВАНИЯ Ф. Л. СКИТОВОЙ О ВКЛАДЕ СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ В ЛЕКСИКУ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Тамара Ивановна Ерофеева

д. филол. н., профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. genling.psu@gmail.com

Описывается методика, позволяющая исследовать вклад севернорусских говоров в лексику русского литературного языка, разработанная пермским диалектологом Ф. Л. Скитовой. Процесс вхождения диалектного слова в лексику литературного языка показан на примере прилагательного *кондовый*. Поэтапно показано, как, происходя из финно-угорского слова *honka*, диалектное слово *кондовый* через различные сферы употребления приобретает статус литературного, развивая новые значения и приобретая новые словообразовательные дериваты. Описанный лингвистический эксперимент свидетельствует об актуальности «генетического», «положительного» и «негативного» значений слова *кондовый* в современной литературной речи.

Ключевые слова: исследования Ф. Л. Скитовой; диалектное слово; этимология; сферы употребления; прямое и переносное значение слова; лингвистический эксперимент.

Франциска Леонтьевна Скитова, видный известный диалектолог, работала в Пермском университете и всю свою жизнь посвятила изучению пермских говоров. Ее главное детище на этом поприще – шеститомный «Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)», Ф. Л. Скитова была инициатором и главным редактором данного словаря (включая 5 выпусков). Говоры явились объектом и ее кандидатской диссертации «Верхневишерские говоры Пермской области на современном этапе развития» (Л., 1960). Научный руководитель – акад. Б. А. Ларин.

Научные идеи, выдвинутые Ф. Л. Скитовой и разрабатываемые ею совместно с пермскими коллегами, многоаспектны. Обозначим некоторые из них.

1. Территориальное варьирование устной формы литературного языка. Указаны ее особенности: система, которая меняется под влияние диалектов; варьирование нормы; использование языковых элементов на определенной территории.

2. Локализм как единица устной литературной речи. Определена ее специфика и подробно показана поэтическая энергетика локальной единицы, по происхождению в основном связанной с диалектом.

3. Словарь локализмов. Этот словарь отражает региональный компонент и представляет собой новый тип словаря, где слово является как объектом лексикографического описания, так и функциональной единицей речевой деятельности.

4. Речь малых социальных групп. Экспериментальным путем показано использование локализма в семье, относящейся к малым социальным группам. Вводится новое понятие *сельское просторечие*.

5. Явление регресса в речевой практике поколения. Явление, связанное с влиянием фактора *возраст* на речь: чем старше человек, тем активнее в его речи используются локальные элементы.

6. Речевой портрет города. Введено понятие *язык города*.

Не менее интересной выступает в интерпретации Ф. Л. Скитовой проблема обогащения лексики русского литературного языка областными словами. Работ, освещающих роль севернорусского наречия в обогащении лексики литературного языка, очень мало (и до сих пор!). Франциска Леонтьевна приступила к разработке темы в 1973 г., заявив на конференции в Минске доклад о природе и закономерностях семантических изменений при переходе областных слов в лексику литературного языка [Скитова 1973]. Конкретное

исследование темы находим в пяти статьях, помещенных в сборнике «Живое слово в русской речи Прикамья».

1. Скитова Ф. Л., Маргулян А. А. Пермские областные слова в лексике русского литературного языка. *Кондовый* [Пермь, 1972].

2. Скитова Ф. Л. Пермские слова в лексике литературного языка [Пермь, 1974].

3. Скитова Ф. Л. Пермские областные слова в лексике литературного языка. *Волокуша* [Пермь, 1976].

4. Скитова Ф. Л. Слово *матаня* в словарном запасе жителей Перми [Пермь, 1978].

5. Скитова Ф. Л. Прилагательное *шустрый* [Пермь, 1979].

Ф. Л. Скитова выявила круг слов, принадлежащих пермским (или уральским) говорам, которые вошли в современный литературный язык. Таких слов оказалось более 50 из 1130, вошедших в литературный язык и отмеченных как *пермское* по данным Опыта, а также Дополнения к опыту.

I. Рассмотрим процесс вхождения в лексику литературного языка слова *кондовый*.

Шаг 1. Определение этимологии слова.

Краткий этимологический словарь Шанского считает *кондовый* (*конговый*) собственно русским словом, которое произошло от слова *конда* (*конга*, *хонга*) – ‘сосна’. В свою очередь, это слово по происхождению либо финское [Черных 1956], либо коми-зырянское [Серебренников 1962]. Следовательно, «вопрос о происхождении и этимологии существительного *конда* (*конга*), которое легло в основу прилагательного *кондовый* (*конговый*), ждет еще своего исследователя» [Скитова, Маргулян 1972].

Шаг 2. Спецификация слова *кондовый* в XIX в.

Прилагательное *кондовый* было областным и имело относительно узкую территорию бытования. При этом в одних говорах оно использовалось для определения сосны по ряду качеств, в других же – для обозначения сосны и в переносном значении – человека.

Данные СРНГ:

Кондовый – 1) С прочной плотной древесиной; крупный, могучий, высококачественный (о лесе, дереве преимущественно как о строительном материале). 2) Здоровый, крепкий. Пермск., 1856; Вят. 3) Хитрый, изворотливый, ловкий. *Кондовый*: Даль (без указания места); Перм. 1930, Тюмен. [СРНГ 14: 247].

Слово фиксируется Опытом на территории Вятской, Пермской, Ирбитской губерний. Даль определяет его как *сибирское*, присущее и ряду других диалектов [Опыт 1852: 151].

Шаг 3. Продвижение прилагательного *кондовый* в лексику специальной литературы.

«Словари и материалы, включающие диалектную лексику XIX в., зафиксировали прилагательное *кондовый*, употреблявшееся для характеристики дерева (леса), в следующих трех разновидностях значения:

1) О сосне (иногда других деревьях), лесе. С плотной, прочной, красноватой древесиной (Опыт, Даль, Подвысоцкий и др.);

2) О лесе – бревнах. Крупный, со здоровой, плотной и прочной древесиной (Опыт, Даль, Васнецов и др.);

3) О древесине. Отличающийся большой сердцевиной и малой заболонью; для сосны – красноватой по окраске (Опыт, Даль, Подвысоцкий и др.)» [Скитова, Маргулян 1972: 10–11].

Однако в распоряжении специалистов был более распространенный термин *рудовый*, синонимичный прилагательному *кондовый*, но обладающий правами литературности. Продвижению же слова *кондовый* в лексику специалистов способствовали существительные *конда*, *кондовье*, которые использовались лесоводами как потенциальные термины. В лексику специалистов по лесоводству *кондовый* вошло на рубеже XIX и XX вв., однако не получив прав гражданства литературного слова.

Шаг 4. Роль художественной литературы.

В переходе прилагательного *кондовый* из областной лексики в лексику литературного языка определенную роль сыграла художественная литература. Слово использовалось в авторской речи писателей демократического направления. Несколько примеров.

Д. Н. Мамин-Сибиряк «Золото»: «Громадное пламя так и пожирало старую стройку из кондового леса, точно треск стоял, точно кто зубами отдирает бревна» [Мамин-Сибиряк 1958: 82].

В. Г. Короленко «История моего современника»: «С тех пор как я пошел с парнями на болото, срубил там кондовую березу ... авторитет мой поднялся очень высоко» [Короленко 1965: 520].

М. Горький «Жизнь Матвея Кожемякина»: «Приземистый, построенный из кондового леса – в обхват бревно – дом Кожемякина стоял боком на улице...» [Горький 1950: 131–132].

Шаг 5. Спецификация слова *кондовый* в первой половине XX в.

Широкое использование слова способствует его отражению в толковых словарях, профессиональной, художественной речи. Словарь Ушакова снабжает слово в значении ‘о деревьях, отличающихся ценными свойствами’ пометами *обл.*, но *спец.*; в Словаре Ожегова показано только одно значение – применительно к лесу – и не со-

провождается никакими ограничительными пометами.

Специалисты по лесоводству предпочитают термин *кондовый* термину *рудовый*. Ф. Л. Скитова приводит массу доказательств, обращаясь к работам специалистов по лесоведению, и доказывает жизнеспособность прилагательного *кондовый* (по происхождению связанного с иноязычной основой) при наличии *рудовый* (восходящего к общеславянской и даже к общебалтийской основе), которое характеризует древесину лишь по цвету, а *кондовый* — по качествам, важным для лесоведения (крепкая, плотная, многослойная и др.).

В современных изданиях художественных произведений (А. Фадеев «Разгром», 1951 г.; Л. Леонов «Русский лес», 1951 г. и др.) слово не толкуется и подается даже без ударения. Прилагательное *кондовый* вводится уже и в двуязычные и переводные словари этого времени.

Итак, став литературным, прилагательное *кондовый* (о лесе, древесине) восходит не к узко пермскому областному слову; использование этого прилагательного в специальной литературе было связано с изучением и описанием лесных богатств всего северо-востока страны.

II. Из более узкой группы говоров, включающей пермские, пришло в литературный письменный язык прилагательное *кондовый* в переносном значении, содержащем положительную характеристику человека. По свидетельству целого ряда материалов прилагательное *кондовый* в этом значении бытовало в XIX в. преимущественно в русских говорах Пермской и Вятской губерний. Так, Словарь вятских говоров Васнецова фиксирует значение ‘крепкий, здоровый’, сопровождая примером *старик, что говорит, кондовый*. Картотека СРНГ также фиксирует прилагательное *кондовый* в этом значении преимущественно в пермских и вятских говорах: *кондовый* – плотный, крепкий, здоровый. Так говорят о людях в Пермской губернии. *Старик этот кондовый / девяносто лет уже ему / а подико-ся какой... и глазами хорошо видит / и память добрая / в страду ишио ходить робить на поле / Вот он старинны-те люди как кондовые (1856 г.)* [Картотека СРНГ].

Основным каналом проникновения этого слова в переносном значении явилась художественная литература. Один из первых случаев использования переносного значения прилагательного *кондовый* отмечен в описании Пермского края. Автор «Заметок на пути из Петербурга в Барнаул» И. П. Небольсин писал: «*Большая часть обитателей Перми – люди приезжие, а не «кон-*

довые», т.е. коренные – или чиновники, или посадские...» [Небольсин 1889: 101].

В числе писателей, положивших начало широкому использованию прилагательного *кондовый* в переносном значении, были М. Е. Салтыков-Щедрин, П. И. Мельников-Печерский.

Семантический сдвиг, отмеченный у диалектного слова *кондовый* при переходе в литературный язык, способствовал более широкому сочетанию с существительными. Появляются *кондовые мастера, кондовое купечество, кондовое дело, кондовый край* и др. Включаясь в литературную речь, слово *кондовый* получает экспрессию, которой оно в диалектном языке не имело. Актуальность переносного значения ‘старинный, прочный, основательный’ фиксируют Словарь Ушакова, БАС.

Как видим, переход диалектного слова в систему литературного языка всегда связан с тем или иным изменением в семантике. Как считает Ф. Л. Скитова, это было не перенесение областного слова в лексику литературного языка, а создание на его основе в процессе художественного творчества лексической единицы литературного письменного языка.

III. В начале XX в. у слова *кондовый* появляется негативное значение. Социальные факторы (революция 1917 г.) привели к преобразованиям во всех сферах жизни. Это коснулось и лексики, отразившись на семантике некоторых слов. В поэме «Двенадцать» А. А. Блока читаем:

*Пальнем-ка пулей в святую Русь –
В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!* [Блок 1960: 350].

Слово *кондовый* определяется как ‘устаревший, консервативный’, имея негативную окраску.

В речи писателей, критиков, журналистов *кондовый быт, кондовые порядки, кондовый язык* встречается не в исключительных случаях, а живет полнокровной жизнью актуального слова с отрицательной экспрессией.

IV. В целях проверки положений, связанных с воссозданием истории проникновения областного слова *кондовый* в лексику литературного языка, Ф. Л. Скитовой был проведен следующий лингвистический эксперимент. Испытуемые должны были ответить на вопрос, в каком значении они знают (и употребляют) слово *кондовый*. Из 100 опрошенных 55 известно данное слово. 11 человек соотнесли слово *кондовый* со словами *сосна, лес* (генетически первое значение). 24 человека отметили элемент положительной харак-

теристики: *Кондовый ассоциируется с чем-то устоявшимся, давно существующим; Кондовый – это значит хороший; Кондовый, по-моему, прочный, фундаментальный, великолепный или что-то в этом роде.* 20 человек указали негативное значение прилагательного: *Отсталый, реакционный человек; Древний, грубый, топорный; Примерно что-то отсталое, крепкое.*

Как видим, результаты опроса подтверждают мнение о том, что в современной литературной речи переносные значения прилагательного *кондовый* выдвигаются на первое место.

Итак, «узко диалектное слово, принадлежавшее в прошлом пермским и некоторым другим севернорусским говорам, стало достоянием литературного языка, а затем распространилось в других разновидностях национального языка» [Скитова, Маргулян 1972 : 32].

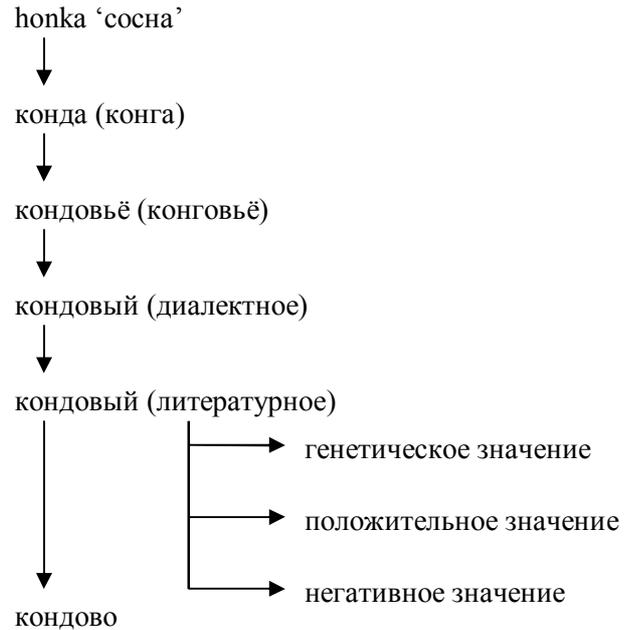
V. Достаточно частое использование в литературной речи слова *кондовый* способствовало появлению наречия *кондово*. В 1930 г. оно фиксируется в письме М. Горького: «... хорош язык романа «Соть», такой кондово русский...» [Горький 1956: 186]. Употребляется это наречие и у современных писателей, например у В. Тендрякова: «... стоят дома не кондово избяной, а казенной, под железом, постройки» [Тендряков 1963: 111]; фиксируется и в устной разговорной речи интеллигенции: *Мне кондово сказали здесь быть; Написано тяжело и кондово.*

Наречие *кондово* возникает на базе литературной речи, что подтверждается рядом обстоятельств:

- 1) оно не зафиксировано ни в одном из диалектных словарей;
- 2) отмечается его контекстуальная приуроченность.

«В каждой из цитат оно как бы создано, а не воспроизведено, образовано к случаю, а не повторено в нужный момент. Появление в литературной речи наречия *кондово* является одним из объективных показателей утверждения в лексической системе литературного языка прилагательного *кондовый*» [Скитова, Маргулян 1972: 33–34]. В истории этого слова отражена роль народных говоров как источника обогащения лексики литературного языка и как своеобразного посредника между языками разных народов.

Итак, путь диалектного слова *кондовый* в лексике литературного языка схематично представляется таким образом:

Список литературы с сокращениями

БАС – *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. М.; Л.: изд. АН СССР, 1956. Т. 5.

Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л. Гослит, 1960. Т.3. 716 с.

Васнецов – *Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного областного словаря Вятского говора. Вятка, 1907.

Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1950. Т.9. 283 с.; 1956. Т.30. 308 с.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882.

Дополнение к Опыту – *Дополнение к Опыту областного великорусского словаря*. СПб.: изд. Второго отделения имп. Академии наук, 1858.

Живое слово в русской речи Прикамья / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1972, 1974, 1976, 1978, 1979.

Короленко В. Г. История моего современника: в 4 т. М.: Правда, 1965. Т. 2. 1054 с.

Краткий этимологический словарь Шанского – *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Учпедгиз, 1961. 404 с.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1958. Т.8. 424 с.

Небольсин И. П. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1889.

Опыт – *Опыт областного великорусского словаря*, изданный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб., 1852.

Подвысоцкий – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Серебрянников В. А. О финно-угорских этимологиях в словаре М. Фасмера // Лексикографический сборник. М., 1962. Вып.5. С.30–35.

Скитова Ф. Л. Природа и закономерности семантических изменений при переходе областных слов в лексику литературного языка // Проблемы лексикологии. Минск, 1973. С.152–160.

Скитова Ф. Л., Маргулян А. А. Пермские областные слова в лексике русского литературного языка. *Кондовый* // Живое слово в русской речи Прикамья / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1972. С.3–34.

Словарь Ожегова – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. 968 с.

Словарь Ушакова – Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935. Т.1.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. Л., 1978. Вып.14.

Тендряков Вл. Избранные произведения: в 2 т. М.: Гослитиздат, 1963. Т.1. 519 с.

Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М.: Изд-во МГУ, 1956. 243 с.

F. L. SKITOVA'S RESEARCHES ON CONTRIBUTION OF NORTH RUSSIAN DIALECTS TO LEXICON OF LITERARY LANGUAGE

Tamara I. Erofeeva

Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State National Research University

The article describes the technique, developed by the Perm dialectologist F.L. Skitova, aimed at researching the contribution of the North Russian dialects to the lexicon of the Russian literary language. The process of a dialectal word occurring in the lexicon of the literary language is shown on the example of the adjective *кондовый* (*kondovy*). It is step by step shown how coming from the Finno-Ugric word *honka*, the dialectal word *kondovy* through various spheres of the use gets the status of a literary word, developing new meanings and getting new word-formation derivatives. The described linguistic experiment reveals the acute “genetic”, “positive” and “negative” meanings of the word *kondovy* in contemporary literary speech.

Key words: F. L. Skitova's researches; dialecticism; etymology; use spheres; direct and figurative meanings of the word; linguistic experiment.